

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

ТАТЬЯНА
Донченко

Мой БЫВШИЙ -
БУДУЩИЙ сват

Татьяна Донченко

Мой бывший - будущий сват

«Автор»

2026

Донченко Т.

Мой бывший - будущий сват / Т. Донченко — «Автор», 2026

– Куда ты, Наташ? Давай поговорим? – схватив меня за локоть, Марат попытался развернуть меня к себе лицом. Я отдернула руку и с вызовом посмотрела ему в глаза. В его – испуг, желание обелить себя, свои поступки, в моих – застывшие слезы и усталость. – О чем говорить? О том, как ты предал меня? Мерзко, низко! О том, что опустил руки и не попытался бороться за нас? Мне противно даже думать об этом! Вспоминать о тебе и этойГолос сорвался на хрип. Столько лет прошло, а меня по-прежнему больно ранит этот мужчина. Вот так сюрприз, да? – Позволь рассказать тебе правду, все не так, как ты – Не так, как я думаю?! – какая ирония, что я снова купилась, очаровалась этим человеком. – Взрослый мужик, построивший целую империю, не смог придумать ничего убедительней, чемА дальше он приблизился ко мне с хищным блеском в глазах. – Что ты творишь, у нас дети в приемной, ждут нашего решения – Подождут! – перебил он и закрыл мне рот властным поцелуем

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	17
6	21
7	24
8	27
9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мой бывший - будущий сват

1

После сорока не стоит слишком пристально разглядывать себя в зеркале.

Если, конечно, у вас изначально нет цели испортить себе настроение...

Стояла в ванной после душа, зеркало полностью запотело, кроме одного стратегически протертого ладонью пятна – ровно такого размера, чтобы видеть себя целиком.

Сорок лет. Круглая дата, и тело, что характерно, тоже стало более... круглым. Или, скорее, более тягучим.

Гравитация – не просто теория, а ежедневная практика, которую мое тело исправно выполняет.

Смотрю на грудь. Ах, мои бывшие «упругие яблочки» – где вы?

Теперь она больше напоминает носки, небрежно набитые манной кашей. Они ещё помнят форму, и хороший дорогой пушاپ поможет ее держать, но сама она уже... без энтузиазма. Провисла с таким видом, будто устала держать оборону и решила наконец расслабиться.

А живот! Не кубики, не плоское равнинное раздолье, а нечто мягкое, уютное и решительно отказывающееся втягиваться дольше, чем на пять секунд.

Живот, как верный пёс, который вечно стремится лечь тебе на колени.

И шрам от битвы за материнство. Награда – дочь. Цена – этот самый «фартучек», как деликатно называют его на форумах.

Ох, а лицо. Межбровка. Эта заломленная, недовольная складка меж бровей, которую я называю «печатью хронического умственного напряжения».

Она появилась лет десять назад и с тех пор лишь углубляется, будто я всю жизнь решаю интегральные уравнения, а на деле просто пытаюсь удержаться на плаву со своим бизнесом.

Несколько лет назад открыла иностранную школу. Потом – пару филиалов по городу. А два года назад развелась.

Николай Прохоров – переводчик высшей категории при официальных делегациях и персональный переводчик представителей власти, уехал в Китай работать при посольстве. Жену и дочь с собой решил не брать.

А когда я начала выяснять почему – узнала на свою голову, что там у него, оказывается, уже давно живет вторая семья. Китайка Син Ляо и сын Мин Дзу.

“Ну и пошел он в ... “мин зду”!” – повторяла моя лучшая подруга Марина до тех пор, пока я не пришла в себя от шока.

Шок, оказалось, – это роскошь, которую настоящая бизнесвумен не может себе позволить. Бизнес просел, прибыль едва покрывала расходы. Хоть плачь!

Морщинки у глаз – не лучики, а скорее лучи. От смеха? Если бы. Скорее от бессонных ночей, от забот, от того, как шуришься на людей, думая: «Боже, как же бездонна человеческая глупость!».

Подняла руками грудь повыше, и в голове сформировалась четкая мысль: «А что, если?»

В кой-то веке скопила-таки деньги. Не на яхту, конечно, не на учебу дочери, а лично для себя. Впервые за 40 лет! Может, сделать «коррекцию»? Вернуть грудь на её историческую родину, повыше.

Ох, как представляю: лифтинг, силикон, гладкая кожа без намёка на провисание. Одежда будет сидеть иначе. Платье без бюстгальтера – опять станет дерзким жестом, а не проблемой инженерии.

Мысль сладка и ядовита одновременно. Потому что за ней тянется шлейф вопросов. Не попытка ли обмануть время, которое я вроде как мудро должна принимать? И главное: я хочу этого для себя – или для того призрачного взгляда со стороны, который давно уже даже не ищу?

Вытерла зеркало начисто. Передо мной женщина. Не девочка. Мое тело – не ошибка и не проект.

И, может, стоит потратить накопления не на силикон, а на шикарное бельё, которое подчеркнёт нынешние формы, на массаж, на выходные в спа-отеле одной?

Или просто отложить, чтобы вложить в новое безумное хобби?

Гравитацию не обманешь. Но чувство юмора и легкую самоиронию – можно культивировать. Они держат настроение куда лучше любого хирургического шва.

Выключила свет и вышла из ванной.

Решила проблему, прикинувшись Скарлетт О'Хара. Мудрая была героиня. Я тоже не буду думать об этом сегодня. И, возможно, подумаю об этом завтра.

##♥##

Шла по коридору с чашкой остывающего чая, нацелившись на диван и тихий вечер с книгой. Тишина в квартире была привычной – мы с дочерью уже давно научились мастерски избегать друг друга, выстраивая маршруты из комнаты в кухню так, чтобы не пересекаться. Её дверь всегда была закрыта. Заслон от меня.

И вот, в этот самый вечер, из-под этой двери донёсся звук. Сначала – глухой удар, будто что-то тяжёлое и твёрдое швырнули об пол. Потом – сдавленный, яростный крик, больше похожий на рычание.

Я замерла, будто вкопанная, пальцы непроизвольно сжали чашку.

И полилось. Сквозь дубовую преграду, шипящим, сдавленным от бешенства потоком. Мат. Отборный, жёсткий, техничный. Не площадная брань, а какая-то точная, методичная разборка на части.

Она материлась на русском, потом срывалась на английский, вклинивала что-то резкое и отрывистое на китайском.

Это был не срыв истеричного ребёнка. Это была холодная, кипящая ярость загнанного в угол зверя.

А потом, сквозь этот шквал, пробился другой звук. Сначала – всхлип. Один-единственный. И потом – тихий, безнадежный, разрушающий душу плач.

Она не рыдала навзрыд. Она выла. Глухо, уткнувшись во что-то, пытаясь задавить этот звук назло ему.

«Назло». Это было ключевое слово последних лет.

Она, наша блестящая лингвистическая принцесса, наследница кафедр и учебников, с детства щёлкающая языки как орехи, – подала документы на инженерную специальность.

Я помню её взгляд тогда: холодный, вызывающий, победный.

– Ну кто кого ломает, мама?

Она сломала. Поступила. А потом, уже позже, из небрежно оброненных слов нашего общего знакомого, я узнала крошечную деталь. Её поступление, это её «триумфальное» преодоление, – проплатил ее отец, Коля.

Тот самый, к которому она так рвалась в Китай после школы, а я, «злая, черствая мать», не пустила. Не сказав ей главного: что у него там уже есть новая жена и маленький сын.

Я думала, берегу её мир. А стала в её глазах тюремщицей, которая украла у неё отца.

Замерла у двери, и так хотела её открыть. Войти, сесть на край ее постели, обнять этот содрогающийся от рыданий комок горя и сказать...

А что сказать? «Прости, что не пустила тебя к папе, у которого была другая семья»? «Прости, что не сказала тебе правду, сделав себя монстром»? «Прости, что каждый раз, желая для тебя лучшего, совершаю ошибку»?

– Тая? Можно войти? – постучалась в ее дверь, сплошь оклеенную предупреждениями по типу тех, что висят на трансформаторной будке: «Не входи, убьет!», «Опасно для жизни!», «Мамам вход воспрещен!».

– Как хочешь... пофиг...

Ого! Должно быть, что-то серьезное, раз уж не отправила меня куда подальше.

Я вошла.

Комната дочери всегда была для меня отдельной планетой со своим климатом и ландшафтом, но сейчас она напоминала поле после битвы.

Бардак. Это было слишком мягкое слово. На столе, заваленном учебниками с непонятными схемами и графиками, соседствовали три пустые чашки из-под кофе, обертка от шоколада и рассыпавшиеся крошки печенья.

Одежда – джинсы, свитера, носки – лежала не в шкафу, а на стуле, на спинке кровати, на полу.

Я старалась не замечать этого хаоса, как старалась годами не замечать того барьера, что вырос между нами. Но сегодня это было невыносимо.

Она лежала на кровати, отвернувшись к стене, скрючившись в позе эмбриона. Ноги в простых серых носках были поджаты, спина, одетая в растянутую старую футболку какого-то забытого рок-фестиваля, казалась уязвимой и хрупкой.

Её светлые волосы, обычно собранные в тугую, деловой пучок или аккуратную причёску, сейчас рассыпались по подушке. Плечо слегка вздрагивало.

Я медленно опустилась на край её постели. Матрас прогнулся под моим весом, и её тело чуть качнулось ко мне, непроизвольное движение, вызванное физикой, а не желанием.

Очень медленно, будто боясь спугнуть, я положила ладонь ей на голову. Её волосы были теплыми, немного влажными у висков – от слёз или пота. Она не отстранилась. Не дернулась. Это был незначительный, но важный знак.

Я начала гладить её по голове, как гладила много лет назад, когда она приходила из школы, обиженная на подруг, или когда у неё болел живот.

Движения были неуверенными, скованными от долгой отчужденности, но ритмичными. Потом моя рука спустилась на её спину, стала водить ладонью по футболке, ощущая под тканью тонкий, напряженный позвоночник.

Она всё так же лежала неподвижно, лицом уткнувшись в подушку, но её дыхание, ранее прерывистое и сдавленное, стало чуть глубже.

Уснула.

Её правая рука, сжатая в кулак, раскрылась.

В ней – пластиковый, тонкий предмет.

Тест на беременность. С двумя яркими полосками.

2

Утро началось в тишине.

Готовила завтрак с маниакальной тщательностью, будто от равномерности прожарки омлета или симметрии бутерброда зависела судьба мира.

А может, так оно и было. Мой мир, вся моя вселенная, хрупкая и расколотая, сейчас спала за тонкой стенкой, и от этого утра, от этих первых слов зависело все.

Мое волнение было физическим. Оно щекотало под ложечкой, заставляло пальцы слегка дрожать.

Я ловила себя на том, что задерживаю дыхание, прислушиваясь к малейшему шороху из ее комнаты.

Сегодня я решила, что всему пришел конец: играм в молчанку, войнам взглядов через кухонный стол, упрекам. Сегодня мы будем говорить. Должны.

Я мысленно перебирала фразы, искала правильные слова, но все они казались картонными. Решила положиться на простое, на вечное: на запах кофе и теплого хлеба. На единственный язык, который между нами никогда не прерывался.

Тая вошла бесшумно.

Обернулась от плиты, и сердце совершило в груди медленное, тяжелое сальто.

– Доброе утро, – поприветствовала я.

Она уже сидела за столом, в своем привычном месте, сгорбленная, будто стараясь занять как можно меньше места. Растрепанная. В огромном, сползающим с одного плеча черном свитере, в каких она ходила дома.

Лицо было бледным, прозрачным, без привычного защитного слоя косметики, и заплаканным. Все в ней выдавало вчерашнюю бурю.

Но в этом была такая уязвимая, такая щемящая красота, что у меня перехватило дыхание.

Я никогда не говорила ей, какая она красивая. Мне казалось, она и так знает, видит это в зеркале, в восхищенных взглядах. Светлые, тонкие как шелк волосы, выбившиеся из небрежного пучка, обрамляли лицо с ангельскими, миловидными чертами.

Большие, невероятно голубые глаза. Она была похожа на того ангелочка, что сошел с церковной фрески, надел рваные джинсы, накрасил глаза черной подводкой и заявил, что ему на все наплевать.

В ее опущенных ресницах, в нервном движении пальцев, теребящих край свитера, я вдруг увидела ту самую маленькую Тасю, которая боялась грозы и забиралась ко мне под бок.

Мы молчали. Ее взгляд был прикован к трещинке на столешнице, будто в ней была заключена вся тайна мироздания. Я открыла рот, чтобы сказать что-то нейтральное, банальное, но в этот момент она принялась.

Ее лицо исказилось. Глаза широко раскрылись, в них мелькнул панический, животный ужас. Она поднесла ладонь ко рту.

Мгновение, еще одно – и она сорвалась с места, с грохотом задев стул. Ее босые пятки зашлепали по кафелю коридора, дверь в туалет захлопнулась. А через секунду донесся приглушенный, мучительный звук.

Я выключила газ под сковородой. Рука дрогнула. Все мои приготовленные речи, вся моя решимость, все планы на «важный разговор» растворились в этом простом, жестоком, физиологическом факте. Токсикоз.

– Ясно, – прошептала я в тишину опустевшей кухни.

Черт, не думала, что это будет так сложно.

Тая вернулась.

Этот простой факт отозвался во мне тихой, но мощной волной облегчения.

Она не убежала, не захлопнулась в своей комнате, не спряталась за броню из молчания и наушников.

Медленно, будто против своей воли, вышла из туалета, бледная, с мокрыми от умывания прядями волос на висках, и села за стол.

Значит, хотела поговорить. Значит, где-то в глубине, за всеми стенами, ей было так же страшно и одиноко, как и мне.

Я почувствовала не просто облегчение – я почувствовала свою нужность. Ту самую, первобытную, истинную. Не как собеседника, не как оппонента, а как мать.

Я молча налила ей стакан чистой, прохладной воды и поставила перед ней. Села напротив.

Стол между нами был и мостом, и баррикадой.

Посмотрела на ее руки, сжатые вокруг стакана – пальцы были длинные, тонкие, как у отца, но сейчас они выглядели такими беспомощными.

Я протянула свою руку и осторожно накрыла ею ее ладонь и спросила. Сразу в лоб, без предисловий:

– Кто отец?

Она дернулась, будто от удара током. Глаза, широкие, синие-синие, метнули испуганный, почти животный взгляд. В них читался чистый, неприкрытый ужас – от вопроса, от его прямоты, от того, что тайное стало явным.

На секунду она застыла, изучая мое лицо, ища в нем осуждение или гнев. А потом в ее взгляде что-то щелкнуло. Осознание или скорее спусковой крючок.

Испуг сменился холодной, резкой ясностью. Она поняла, что я видела ту маленькую пластиковую палочку, валявшуюся на ее простыне.

– Это первое, что ты хочешь знать? – ее голос был напитанным ядом давней обиды. – Ни «как ты себя чувствуешь», ни «какой срок», ни «что теперь делать?» Нет, конечно. Сразу – «кто отец».

Разговор с дочерью всегда был как хождение по минному полю. Ты мог задать самый безобидный, самый естественный вопрос, и получить поток выдержанного негатива.

Я знала это. Я ждала этого. И все равно внутренне содрогнулась.

– Прости, просто... ты, насколько я знаю, ни с кем не встречаешься и...

Она вытащила руку из-под моей, отпила глоток воды, поставила стакан со слишком громким стуком.

– Я не шл*ха, если ты об этом! – бросила она, и ее голос начал набирать силу, срываться на ту самую горькую, знакомую истерику.

– Я не об этом, – сразу уточнила я.

– Это все Каримов! Я думала, что нравлюсь ему, а он... просто козел! Сказал, что я сама виновата, что это моя проблема, а не его.

– Тасенька... – начала я, но она меня не слышала. Ее прорвало. Поток горьких слез хлынул из глаз.

Я под села к ней ближе, осторожно и обняла. Чувствовала, как ее худенькое тело дрожит мелкой дрожью.

Инстинктивно, движением, отточенными годами, я начала легонько покачиваться, укачивая ее, как когда-то, много лет назад, укачивала свою малышку, прижимая к груди.

– Всё, доченька, всё, – шептала я в ее волосы, пахнущие дорогим шампунем. – Я с тобой. Мы вместе. Всё будет хорошо.

Но вместо того, чтобы расслабиться, раствориться в этом старом, как мир, ритме утешения, она вся напряглась.

– Мам, не качай, – выдавила она. – От этого... меня сейчас опять затошнит. Не тряси.

Я медленно разжала объятия, но не отодвинулась, оставила ладонь на ее спине.

– Милая, расскажи мне всё, – мягко сказала я. – Ну, помнишь, как ты всегда говорила: «Слушаем и не осуждаем». Я готова.

И тогда, глядя куда-то в стену слезящимися, невидящими глазами, она сказала.

– Это Каримов. Амир. С моего потока. Ну, тот, у которого отец – какой-то крутой, владелец «Медиа-Авто»...

«Медиа-Авто». Да, я слышала. Сеть автосалонов, с рекламой на всех билбордах. В одном из них я и сама была на выезде из города.

Пару лет назад там меняла масло в своей скромной иномарке, сидела в стерильном холле с кофе из автомата и наблюдала за менеджерами в идеальных костюмах, снующими между блестящими внедорожниками стоимостью с мою трехкомнатную квартиру.

Владелец. Крутой. Все складывалось в единую, неприглядную картину. Сынок папочки. Тот, кому всё позволено.

Тася что-то еще говорила, бормотала сквозь слезы, уткнувшись лицом в мое плечо.

Поток слов был сбивчивым, прерывистым. Что-то про то, что он... «тащер»? Или «ящер»?

Никогда не понимала этот молодежный сленг, эту тарабарщину, которая каждый год меняется, чтобы такие, как я, окончательно потеряли ключ к их вселенной.

Но все эти странные слова пролетели мимо, не задев сознания. Потому что в ушах гудело одно.

Фамилия Каримов.

Она резанула меня не по слуху. Она резанула по самому больному, по старой, плохо зажившей ране, которая никогда по-настоящему не закрывалась.

В памяти, против воли, всплыл другой мужчина, не мальчик, с такими же, наверное, холодными, оценивающими глазами.

Другой обладатель этой фамилии, от которого когда-то сбежала я сама, с одним рюкзаком и дикой болью в сердце.

И теперь эта фамилия, как проклятие, вернулась в мою жизнь.

Через мою дочь.

Если это тот самый Каримов, о котором я думаю, то...

Ему лучше бежать из города.

Потому что я твердо намерена привлечь всех виновных к ответственности!

3

Все во мне закипело. Не просто гнев. Холодная, ясная, свинцовая ярость. Не на нее. Никогда на нее. На него. На этого Амира. На его отца. На весь их устроенный, благополучный мир, который позволял своим сыновьям играть в жизни чужих дочерей.

Я посмотрела на Тасю. Она выдохлась, слезы потекли тише, но от этого было только страшнее. Она сидела, обхватив себя за плечи, маленькая, сломанная кукла, в которую вселился ужас взрослой жизни.

Разговаривать сейчас, выпрашивать детали, выяснять, что значит это дурацкое «ящер» – бесполезно. Она в полубоморочном состоянии. Она не способна сейчас ни на диалог, ни на решение.

Мне нужно было действовать. Не как подруга, не как психолог. Как мать. Как волчица. Как единственный человек, который сейчас встанет между ней и этим миром.

Я медленно поднялась. Ноги были ватными, но спина выпрямилась сама собой.

– Ладно, – сказала я, и мой голос прозвучал удивительно ровно, спокойно. Таким тоном я обычно говорила на работе, принимая самые тяжелые решения. – Ты останешься дома. Ложись, попробуй поспать. Выпей воды.

Она тупо посмотрела на меня, не понимая.

– А ты?..

– Я, – сказала я, уже доходя до прихожей и снимая с вешалки свое обычное, будничное пальто, – пойду разбираться.

Я не уточняла, куда и с кем. Она не спрашивала. В ее глазах мелькнуло что-то вроде облегчения.

Надевая пальто, я взглянула на свое отражение в зеркале в прихожей. Обычная женщина, слегка уставшая, с немодным беспорядочным пучком, в практичном пальто. Ничего особенного.

Ничего, что могло бы внушить страх такому «Каримову». Но в глазах – сталь материнской ярости и решимости.

Я вышла из квартиры, тихо прикрыв дверь. В ушах все еще звенела эта фамилия. Каримов. Ну что ж. Посмотрим, что скажет папа-владелец «Медиа-Авто», когда к нему в салон придет разбираться одна очень, очень рассерженная мать.

##♥##

Лифт в головном офисе «Медиа-Авто» был зеркальным со всех сторон. Я оказалась в центре собственного, слегка растерянного, отражения.

Пока кабина бесшумно несла меня на двадцатый этаж, я судорожно вытащила из сумочки помаду – какой-то дерзкий, почти неприличный, оттенок красного, купленный в порыве «все изменить».

Накрасила губы, поджала их, посмотрела на себя критически. Со стороны женщина, делающая это в лифте, выглядит либо самоуверенной стервой, либо клоуном.

Я склонилась ко второму варианту, но, к своему удивлению, отражение отвечало: «Вроде неплохо. Даже сносно. Глаза выпавшиеся (спасибо трём каплям корвалола), новый жакет не жмёт в плечах. Держись, Наталья Леонидовна».

Двери разъехались, открыв пространство, от которого у меня на секунду перехватило дыхание. Не от роскоши – от её холодной, безупречной стерильности.

Громадный зал с панорамными окнами во всю стену, отливающий матовым блеском белый мрамор, приглушённый свет, исходящий непонятно откуда, и тишина, густая, как крем в пирожном за тысячу рублей.

Воздух пах деньгами. Не теми, что пахнут кофе и машинным маслом из моего автосервиса, а другими – вымороженными, цифровыми.

За массивным стойком ресепшн, похожим на арт-объект, сидела девушка. Не девушка – иллюстрация из глянца. Безупречный пучок, идеальный макияж, взгляд, который скользнул по мне, за секунду оценив стоимость всего моего обличья, включая ту самую помаду.

– Чем могу помочь? – голос был мелодичным, но без единой тёплой ноты.

Я подошла, стараясь не шуметь каблуками.

– Мне нужно срочно увидеть вашего директора. Это по личному вопросу.

Брови «иллюстрации» поползли вверх на миллиметр.

– У вас назначена встреча?

– Нет. Но это очень срочно. Скажите ему, что меня зовут Прохорова Наталья Леонидовна.

Девушка, не сводя с меня глаз, нажала на гарнитуре едва уловимую кнопку. Проговорила тихо, почти шёпотом. Промолчала, слушая ответ. Потом её взгляд стал... не то чтобы жалобным, но снисходительно-сочувствующим.

– К сожалению, он крайне занят. Собирается на срочные переговоры и, фактически, уже уезжает. Принять вас он не может. Вы можете оставить ваши контакты...

Это был момент, когда внутри всё сжалось в холодный ком. Но где-то там, в глубине, зашевелилась та самая самоирония – последний бастион отчаяния. «Ну конечно, Наташ, а ты чего хотела? Что он тут тебя с распростёртыми объятиями ждал?»

И вдруг, из какой-то потаённой кладовой памяти, выплыло имя. Девичье.

Я сделала шаг вперёд и сказала твёрже, чем чувствовала сама:

– Тогда передайте ему ещё раз. Скажите, что его хочет видеть Наталья Леонидовна Веремеева.

Эффект был мгновенным. Девушка на ресепшн моргнула. Она снова нажала кнопку и, отвернувшись, повторила в микрофон:

– Простите, здесь к вам Наталья Леонидовна Веремеева. Настаивает на встрече.

Пауза была короче. Девушка обернулась, и её лицо изменилось. Исчезла снисходительность, появилась вежливая, почти что живая, внимательность.

– Он примет вас. Пять минут. Его кабинет – вон та дверь в конце зала, справа. Пожалуйста.

Я кивнула, поблагодарила – голос не дрогнул, слава богу – и пошла по бесшумному ковровому покрытию, ощущая её взгляд на своей спине.

Вошла, закрыв за собой тяжелую дверь, нарочито уверенно подняв подбородок.

Внутри все кричало: «Я – мать. Единственное, что есть у моей дочери. Ее честь, ее будущее, ее разбитое доверие».

Я приготовилась к битве, вжала каблуки в идеальный ковер, собрала в кулак весь свой праведный гнев и... остолбенела.

За массивным столом из темного дерева сидел не абстрактный «директор Каримов». Сидел он.

Тот самый Каримов! Которого я не видела двадцать лет. Тот, чье имя я вычеркивала из памяти все эти годы.

Время над ним не просто не властно. Оно с ним заключило выгодный договор. Тогда, двадцать лет назад, он был красивым, дерзким, мальчишкой из бедной семьи.

Сейчас передо мной был мужчина, в котором материализовалась власть с подавляющей, почти физической силой.

Седые виски не старили, костюм был просто его второй кожей, подчеркивающей широкие плечи и подтянутую фигуру.

От него веяло не просто богатством – абсолютной, врожденной уверенностью в том, что мир лежит у его ног. И он этим миром разумно и твердо управляет.

Он смотрел на меня – не на дверь, а конкретно на меня – и в его карих глазах, которые я, казалось, навсегда стерла из памяти, промелькнуло узнавание.

Легкое удивление, секундная перезагрузка... и затем нежность. Теплая, глубокая, которая заставила мое сердце тогда трепетать как колибри.

Мой запал, вся моя праведная ярость, с которой я входила, чтобы громить и требовать, схлынули мгновенно и бесследно.

Будто кто-то выдернул пробку из надутой до предела шины. В горле пересохло.

Я стояла, чувствуя себя не защитницей дочери, а той самой Наташей, которая в дешевых джинсах и с книжкой стихов ждала его под старым тополем у общежития.

И он сказал. Тихо, без тени начальственной сухости или отстраненности. Голосом, в котором была странная смесь извинения, грусти и какой-то неизбывной теплоты, пробивающейся сквозь годы.

– Ну, здравствуй, Наташа.

4

Марат

Голос Стеши, моей помощницы, обычно такой ровный и профессиональный, прозвучал из трубки с едва уловимой, тревожной ноткой:

– Марат Ахмедович, к вам... Веремеева Наталья Леонидовна. Настаивает.

Мир на секунду ушел в белый шум.

Веремеева.

Эту фамилию я никогда не забуду. Она отпечатана где-то глубже памяти, на уровне позвонков.

Неужели мне не послышалось? Наташа?

Это какая-то жестокая случайность? Моя птичка, нежная Наташа Веремеева – любовь, которую я замуровал в самом дальнем и прочном склепе своей души?

Двадцать лет прошло. Целая жизнь.

Эта фамилия прозвучала, как удар под дых, точный, безжалостный, сшибающий дыхание.

Я не помнил, что ответил Стеше. Кажется, кивнул, хотя она этого видеть не могла. Велел провести.

Рука сама потянулась поправить галстук, механический жест самоконтроля.

Сердце, привыкшее отмерять удары ровно и экономно, забилося с идиотской, юношеской частотой где-то в горле.

И тогда дверь открылась.

Она вошла. Не Наталья Леонидовна. Не дама с деловым визитом.

Вошла Наташа. Та самая. Бойкая, дерзкая, с тем самым вызовом в глазах цвета янтаря, которые когда-то сводили меня с ума.

Будто ничего не поменялось. Будто не прошло этих двадцати лет, не было ни моих побед, ни её тихой жизни где-то там, без меня.

Она, казалось бы, не изменилась. Двадцать лет лишь отточили ее черты, добавили несколько едва заметных морщинок у глаз – не от старости, а от смеха и, возможно, усталости.

Но взгляд... о, этот взгляд был всё тот же! Горячий, прямой, пышущий той самой внутренней огненной красотой, которую не спутаешь ни с чем.

Она не состарилась. Она вызрела. Стала только ярче, острее, собраннее.

Наташа остановилась напротив моего стола, не опуская глаз. В её позе читалась и готовность к бою, и какая-то невероятная, знакомая до боли, уязвимость.

Мой шок начал превращаться в миллион вопросов. Зачем? Почему сейчас? Что случилось? Но все они разбились о простой, невероятный, я бы даже сказал, немыслимый факт её присутствия.

– Ну, здравствуй, Наташа, – вырвалось у меня, и голос прозвучал чужим, приглушенным.

Больше я ничего не мог сказать. Просто смотрел на неё, пытаюсь совместить в голове образ той девчонки в потрепанных джинсах и эту женщину, стоящую в моём кабинете, пахнущую не сигаретным дымом из старого гаража моего отца, а чем-то другим – дорогим, но всё равно её.

Она кивнула и села в кресло напротив, приняв ту самую, выверенную годами позу – прямая спина, руки на коленях, подбородок чуть приподнят.

Все та же королева на табурете, как я называл её тогда в шутку. Я нажал кнопку на телефоне.

– Стеша, пожалуйста, два кофе. Или... – я встретился с её взглядом, и старая привычка сработала сама собой. – Чай. С ромашкой, как ты любишь?

Уголок её губ дрогнул в едва уловимой, почти призрачной улыбке. Она кивнула.

И этот кивок, эта улыбка, меня размазала. Потому что это была не просто деталь. Это был код доступа к другой жизни.

К тому времени, когда она, эта прекрасная умница, пыталась цивилизовать меня, дикого зверя с моторным маслом под ногтями.

Она любила всё делать по правилам. Чай – только английский, в тонкой фарфоровой чашке, которую я боялся раздавить своими медвежьими лапами. Она учила меня, неандертальца, сидеть за столом на приемах.

– Марат, локти не на столе. Вилку держи вот так. Не пей залпом, это не квас.

Её пальцы поправляли мою руку, и от этого прикосновения у меня перехватывало дыхание и кружилась голова сильнее, чем от любого вина.

А потом был её родительский дом. Тот самый, куда она собиралась меня привести. Не дом – храм. Полки до потолка, забитые книгами на непонятных мне языках. Воздух, пропахший старым переплетом, пылью и тишиной.

Её родители – не просто мама и папа. Целая династия. Профессора с кафедры филологии и иностранных языков.

Люди, в чьих жилах текла, казалось, не кровь, а чернила и мудрость веков. Их единственная дочь. Принцесса этой академической империи.

И я. Сын простого автомеханика. Парень, чьё будущее ограничивалось стеной гаража и запахом бензина. Без образования, кроме техникума. Без связей. Без родового гнезда. Только амбиции, кулаки и безумная, всепоглощающая любовь к их дочери.

Она верила в нас. Искренне, одухотворенно. Говорила, что любовь и ум всё преодолеют. Что её родители оценят мою прямоту, мои руки, которые могут всё починить.

Она готовила меня к этой встрече, как к главному экзамену в жизни. Учила, какие темы поднять, о чём молчать, как правильно подать салфетку. Я зубрил имена философов и писателей, путая Кафку с капучино.

Но я-то знал каков наш мир на самом деле. Я видел, как её отец, профессор Веремеев, смотрел на меня.

Взгляд был не презрительным. Хуже. Он был отстраненно-вежливым, как на насекомое под стеклом микроскопа. Интересным объектом, но не живым существом из одной с ним вселенной.

Каковы были наши шансы? Если честно – никаких. Нулевые. Мы были из разных племён.

Её мир строился на словах, идеях, тонкостях. Мой – на железе, конкретике и выживании. Любовь – да, она была настоящей. Я бы лёг и умер за неё.

Но любовь не стирает социальные пропасти, она лишь натягивает над ними хлипкий мостик. А потом приходит жизнь. И первыми с этого мостика сдувает тех, у кого нет страховки в виде родства, положения, общего языка.

Я это понял тогда. Понял, когда, глядя в её сияющие, полные веры глаза, уже знал исход. Я не мог вписаться в её мир. А вытащить её в свой – означало сломать ей крылья.

Стеша внесла поднос. Чашка с чаем, от которого тонко пахло ромашкой и прошлым. Чай, который я не пил намеренно вот уже двадцать лет.

Наташа вежливо поблагодарила и обхватила чашку ладонями, будто греясь. А я смотрел на неё и не мог налюбоваться.

– Ты прекрасно выглядишь, птичка.

Она подняла на меня глаза. В них замерцало что-то сложное – целая жизнь, прокрученная за секунду. Я видел это.

Видел, как в её взгляде ожили тени нашего общего прошлого: первое свидание, запах первого осеннего дождя и первого поцелуя под ним, наша первая ночь, мои неуклюжие попытки говорить на языке её мира, а её – на моем.

Мы молча смотрели друг на друга, утонув в том давнем свете. Это было сладкое и горькое, но одновременно головокружительное воспоминание.

В этот хрупкий миг тишину разрезал деликатный, но неумолимый сигнал моего сотового. Амир, мой сын уже целый день пытается прорваться ко мне, чтобы сказать что-то важное. Я не ответил. И это начало меня разъедать.

Затем дверь приоткрылась, и в щели показалось бледное от беспокойства лицо Стеши.

– Марат Ахмедович, напоминаю о встрече с китайской делегацией. Через пятнадцать минут. Все уже в переговорной.

Я оторвался от Наташиного взгляда, чувствуя, как реальность снова смыкается вокруг.

Эта встреча. К ней шла долгая, кропотливая подготовка. Месяцы переговоров, выверенные детали, стратегическое партнерство, которое должно было открыть новый континент возможностей. Все было поставлено на карту.

Я посмотрел на Наташу. На ее руки, сжавшие край стула. На ту едва уловимую потерянность в уголках губ, которая тут же, стоило мне моргнуть, скрылась за новой, непроницаемой маской.

– Пятнадцать минут. Если не выйду, отмените, – произнес я ровно, не повышая тона. – Перенесите. Извинитесь перед господином Минг Жи. Скажите, что возникли непредвиденные чрезвычайные обстоятельства личного характера.

Лицо Стеши исказила судорога профессионального ужаса.

Совершить такое – означало бросить вызов не просто расписанию, а всей логике этого места.

– Но, Марат Ахмедович... Они уже...

– Стеша, пожалуйста, – сказал я мягко, но так, чтобы не оставалось сомнений. – Совершите невозможное.

Она кивнула, сглотнула и бесшумно исчезла, обреченно отправляя в тартарары графики, протоколы и дипломатический этикет.

Дверь закрылась. Цена только что произнесенных слов начала медленно, но верно проясняться где-то в подкорке холодным грузом. Миллионы. Репутация. Доверие партнеров. Все это теперь висело на волоске из-за женщины, от которой у меня до сих пор сжималось сердце.

Я перевел взгляд обратно на Наташу. И замер.

Заминка, это резкое, грубое вторжение настоящего, изменило все. Очарование прошлого было безвозвратно потеряно.

Она словно очнулась от сна. Плечи ее распрямились, спина выпрямилась в тугую, упругую струну.

И взгляд, который она устремила на меня, был уже не тем – ностальгическим, растерянным, теплым. Он стал острым, жестким, наполненным холодным и точным вызовом. В нем горел вопрос, требующий ответа. В нем не было и тени той девчонки, которую я помнил.

«Неужели, спустя столько лет, она узнала правду?», – промелькнуло в голове с внезапной ясностью.

Ее приход сюда, эта решимость, этот огонь в глазах – это же не было случайностью. Не ностальгией. Это был визит с конкретной целью.

Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Моя беспечность, мое вечное погружение в бизнес, мои откупы дорогими подарками вместо внимания... Все это могло вылиться во что-то непоправимое. Что-то, что привело ко мне ее – единственную женщину, которую я когда-либо по-настоящему любил и... боялся.

– Наташ, я очень рад тебя видеть... – начал я, и мой голос прозвучал чуть хрипло. – Скажи, зачем ты на самом деле пришла?

5

Вопрос как будто повис в воздухе, и я думала только об одном: этот разговор будет слишком дорого стоить Марату.

Деловая встреча с иностранными гостями, которую он, скорей всего, готовил месяцами, могла не состояться из-за нашего щемящего, неудобного разговора.

И, да, мне льстило, что Каримов предпочел этой встрече наш разговор, но всему должны быть пределы. Не слишком ли высока цена?

А с другой стороны, что может быть важнее детей?

На кону не кто-то рандомный, а моя дочь, которая ещё вчера казалась подростком, а сегодня... сегодня она ждёт ребёнка от его сына.

Нам придётся с этим что-то делать. Обсуждать, договариваться, искать слова, которые не ранят.

Но не сейчас. Сейчас он должен идти.

– Марат, иди на встречу, – сказала я, и мой голос прозвучал удивительно спокойно. – Я подожду.

Он провёл рукой по лицу, и в этом жесте было столько усталости.

– Встреча может затянуться, – медленно проговорил он. – И перенестись в недельной формат. Ужин.

Он помолчал, разглядывая меня так пристально, что я невольно опустила глаза.

– Поедешь со мной? Как сопровождающее лицо. А после ужина сможем поговорить спокойно.

Я смутилась. Не от предложения, а от его взгляда и от внезапного осознания собственной неподготовленности.

Оглядела себя. Скромное тёмно-коричневое платье, купленное на распродаже в прошлом сезоне. Оно хорошо сидело, подчёркивало фигуру, и вырез-лодочка действительно выглядел выигрышно. Но это было «офисное» платье, не для вечерних переговоров.

Весь мой «наряд» – одна ярко-красная помада на губах и старый френч на ногтях. Он облупился местами, и я, как назло, записалась на коррекцию на завтра. А, как известно, по закону подлости – самые неожиданные встречи всегда происходят за день до коррекции ногтей.

– Я не готова, Марат, – вырвалось у меня. – Посмотри на меня.

– Смотрю, – он поднялся из-за стола и поправил и без того идеально сидящий на нем пиджак. – Выглядишь прекрасно. Солидно для ужина и идеально для...

Он не договорил, махнул рукой.

– Проси у Стеши все, что понадобится. Мой кабинет в твоём распоряжении, Наташ. Не стесняйся.

Его голос, тот же тембр, только глубже, с нотками усталости. И это дурацкое, старое «Наташ» – ни от кого больше я такой нежности, вложенной в одно простое имя не слышала за все эти годы. Он сказал это так естественно, будто мы виделись ещё вчера.

А потом он собрался уходить. И в его движении, в том, как он повернулся ко мне уже у двери, была невероятная, неподдельная жалость и тоска.

– Я правда очень-очень рад тебя видеть, птичка.

Птичка. От этого слова внутри все оборвалось.

Я готовилась, репетировала в машине гневный монолог, собиралась разнести тут все в щепки, потребовать ответов, выкричать всю свою боль.

А получила удар под дых. Тихий и точный.

Увидеть его – вот что меня обезоружило. Не его слова, а он сам. Живой.

Не призрак из воспоминаний, а мужчина с проседью у висков, в идеально сидящем пиджаке, с теми же глазами, в которых я когда-то тонула.

Время изменило его, отшлифовало, но суть – ту самую, что я любила и от чего так безумно страдала – оно тронуть не смогло. И это было невыносимо.

Я только сейчас поняла, что дышала лишь наполовину.

Грудь не хотела расправляться, будто боялась выпустить наружу крик, что копился двадцать лет.

А теперь, в этой внезапной тишине, воздух хлынул в легкие обжигающей волной, и я задрожала. Сжала руки на коленях, чтобы они не тряслись.

Он сказал уходя:

– Постараюсь освободиться как можно скорее, и мы поговорим. Обещаю.

Снова обещания. Как и тогда.

И самое смешное в том, что я – вопреки всему, вопреки здравому смыслу и горькому опыту – опять поверила.

На какую-то долю секунды в глубине души отозвался старый, наивный механизм надежды.

Как можно было верить? Наивный, преступный вопрос, который я задаю себе уже двадцать лет.

Верила же. Верила каждому слову.

«Умру за тебя» – не было в этой фразе пафоса, только простая, звериная готовность. «Землю рыть», «стать кем-то ради тебя» – это был его священный обет, его мантра.

Он говорил не о деньгах, а о праве стоять рядом со мной на равных в глазах того мира, который всегда смотрел на него сверху вниз.

Я была его главной и единственной революцией.

И потому тот ужин у родителей стал не просто катастрофой, а полем боя, где его революцию методично, изящно и безжалостно подавили.

Я видела, как гаснут его глаза под градом спокойных, леденящих вопросов отца. Как его плечи, обычно такие уверенные, сжимались под тяжестью невысказанных аргументов о «перспективах», «соответствии» и «разумном выборе».

Он молчал. Он не бился. Он отступал с каждой поданной на стол тарелкой, с каждым взглядом матери, полным сожаления ко мне. Они не кричали. Они просто показали ему всю пропасть, которую его любовь, по их мнению, была не в силах преодолеть.

Он изменился за тот вечер. Не сразу, но будто внутри что-то щелкнуло и замкнулось.

Вернулся ко мне не тем пылким мальчишкой, а холодным, отстраненным мужчиной.

Наша последняя ночь была не любовью, а тихой, отчаянной попыткой. Я цеплялась за него, впивалась пальцами в плечи, пытаюсь найти там прежнего Марата, того, кто готов был рыть землю.

Но его тело было напряжено, а взгляд ускользал куда-то вдаль, будто он уже мысленно покинул эту комнату, меня, нашу общую жизнь.

Он обнимал меня, но лишь потом я поняла, что это было прощание.

Я кричала о любви, плакала, а он...

На следующий день я пришла к нему с готовностью бежать. Куда угодно, лишь бы вместе с ним и увидела его...

...и ее.

Настю Макарову. Его соседку, которая вечно обвивала его, как ядовитый плющ. И, наконец, дождалась – обвила.

Еще у двери я услышала ее смех. Потом ее уговоры прекратить. А потом стоны. И его имя, выкрикнутое пошло, вульгарно...

Я слышала не только её, но и его.

Знакомое, родное, близкое душе рычание и грубые стоны, сопровождаемые звуками шлепков.

Я видела происходящее лишь сквозь дверную щель, всего миг. И этого было достаточно.

Подсознательно, я до сих пор не верю в то, что он мог так поступить. Это не было категорией веры или неверия. Это была физическая невозможность, словно закон мироздания дал трещину.

Марат, мой Марат, предал. И не взглядом, не случайным словом, а фактом плоти, фактом другого тела в своей постели.

Дома я рыдала маме в плечо. Не могла говорить, только издавала какие-то животные звуки, захлебываясь слезами и воздухом.

Она не спрашивала. Она все поняла. Ее молчаливое участие, ее тихие покачивания и глядящая по спине рука говорили лишь об одном: «Я же предупреждала».

Помню, как уговорила папу увезти меня в другой город. Кажется, я даже не уговаривала. Я просто сказала, что не могу здесь оставаться.

Сказала это тихо, глядя в пол, и он кивнул.

А там, в другом городе, меня быстро выдали замуж за сына папиного друга. Как они всегда и мечтали.

Процесс был отлаженным, тихим, лишенным всякой романтики.

Это была деловая операция по спасению репутации и будущего сломанной дочери.

Жених – Николай Прохоров – был неплохим человеком. Сдержанным, воспитанным, с хорошими видами на карьеру. Он смотрел на меня с вежливым интересом и, кажется, легкой жалостью.

Мне было все равно. Совершенно все равно.

Потому что моего сердца уже не стало в тот миг у двери Марата.

Оно не разбилось – это было бы слишком поэтично и не соответствовало истине. Оно просто прекратило существование.

Мой мир превратился в плоскую картинку, набор социальных ритуалов, которые нужно было механически исполнять. Утром встать. Поздороваться. Улыбнуться. Обсудить планы. Лечь спать.

Супруг был частью этого ритуала. Он был удобным, предсказуемым, как хорошо смазанный механизм. Мы не ссорились. Мы почти не разговаривали. А если и разговаривали, то о еде, о погоде, о визитах к общим знакомым.

Я стала экспертом в имитации жизни.

До тех пор, пока в моей жизни не появилась Тася. И весь мир резко изменил свой фокус.

«Наташа, вытри слезы. Соберись. Когда придет Каримов, ты должна действовать решительно ради своей дочери!»

«Никаких компромиссов, улыбок и воспоминаний о прошлом. Ты забыла, как всё это исчезло из-за его грязного и мерзкого поступка?»

Ручка двери провернулась.

Я приосанилась, приготовилась к красивой, длинной речи, выстроила стены из стальных аргументов и достоинства. Секунда. Две. Три. И дверь открылась.

А на пороге появился... Марат.

Не он, но его точная копия. Только на двадцать лет моложе.

Холёная такая, дорогая копия. Всё в нем было то же, но отполированное деньгами и уверенностью, которая даётся с молоком матери, а не отвоёвывается с кровью.

Он был потрясающе красив. Та же чёткая линия скул, тот же горделивый нос с едва заметной горбинкой. Такой же широкий рот с пухлыми губами.

И глаза – господи, глаза! – те же пронзительные, цвета старого коньяка. Но в них не было той щемящей тоски, той вечной неустroенности, что горела в глазах его отца.

Вместо неё – дерзкий, почти наглый огонь обладания этим миром.

Он знал себе цену, и цена эта была астрономической.

– Пап, я... – начал он, заходя и не глядя в мою сторону. Потом его взгляд скользнул по мне, задержался. Удивление мелькнуло в этих знакомых глазах. – Наталья Леонидовна?

Он знал, как меня зовут. Кто я.

А я знала, кто он.

«Ящер» моей дочери.

6

Я увидела испуг в глазах мальчишки – не просто вздрагивание, а то самое глубокое, животное осознание западни, когда зрачки становятся двумя черными безднами.

Ноги сами понесли меня к нему.

Я встала прямо перед ним, близко, так что видела, как небольшой прыщик у его виска побледнел. И подняла руку. Не кулак. Палец.

Ткнула им в его грудь, в самую кость под ключицей.

Первый тычок, второй...

И понеслось.

– Знаешь, когда я думала, как скажу тебе это, представляла что-то громкое. Кричащее. С ругательствами, которых я, честно говоря, даже не знаю – в моём словаре их никогда не было.

Я тыкала, вкладывая в этот примитивный жест всю немоту всю выученную годами невозможность выкрикнуть то грубое, простое слово, которое висело в воздухе.

– «Твои проблемы!» Так ты сказал моей дочери? Как изящно. Как... по-каримовски!

Тыкала, ощущая, как сначала немеет подушечка пальца, потом сустав, потом вся фаланга начала гореть тупой, нарастающей болью.

А он не отстранился сразу.

Мальчишка замер, и его взгляд прилип не к моим глазам, а к этому пальцу, который методично стучал в его грудную клетку.

– Двадцать лет назад один Каримов – твой отец, между прочим, – тоже сказал мне что-то в этом духе. Не словами. Действиями! Вы ведь все одинаковые. Одна порода. Кровь Каримовых. Правильные слова в уши молодой девчонке – и ни грамма ответственности!

Амир смотрел на мой палец, открыв рот, из которого, я знала, сыпались дешёвые, липовые слова для моей дочери о звездах и вечности.

И медленно, очень медленно, он начал пятиться.

Он отступал к стене, а я – за ним.

– Ты думаешь, я злюсь на тебя? О, нет. Ты просто... – брезгливо оглядела его, – зеркало. Ты – живое доказательство, что ничего не меняется. Что гены – это судьба. Что сын повторяет отца! Ты сказал: «Это твои проблемы». А чья это проблема, по-твоему? Моей дочери? Танец, как говориться, танцевали оба! Ей девятнадцать, она только-только начала жить самостоятельно. Она верила, что ты... ну, хотя бы человек. А ты – просто... Каримов!

Здесь слова застряли, не находилось нужного, не похабного термина, и палец тыкал с новой силой, выбивая его.

– Я не стану кричать. Не буду угрожать. И знаешь что? Я даже благодарна. Ты дал мне увидеть всё чётко. Без иллюзий. Это система.

Вы построили систему. Семью Каримовых. Где слова важнее дел. Где уход – это не предательство, а «решение». Где чужие слёзы – просто «проблемы», которые можно игнорировать.

Так вот. Твои проблемы начинаются сейчас. Потому что ты думаешь, что можешь просто отойти в сторону. Проигнорировать. Замять с помощью папочки. А я не позволю. Ты будешь отвечать. Не потому, что я хочу тебя наказать. А потому, что моя дочь должна знать: есть люди, которые не бросают. Которые говорят «это моя проблема» – и берут её на себя.

Палец опустил.

Мальчишка уперся в стену, и больше отступать было некуда.

Во рту у меня был привкус меди. А в глазах у него – все тот же испуг. Но теперь в нем читалось и другое: смутное, далекое понимание, что произошло не просто «что-то», что может быстро решить батя, а случилась катастрофа.

В этот момент дверь открылась и в кабинет вернулся Каримов-старший.

Он уловил враждебность сразу же. Как будто не взглядом, а ощутил кожей. Поднял подбородок и огляделся, нахмутив брови.

– Что здесь происходит? – спросил он, не понимая, что в принципе нас может связывать.

– Спроси у своего сына, – я отошла от парня, поправила волосы, выбившиеся из прически, и заметила, что испытываю странное, злорадное удовлетворение от страданий молодого Каримова.

Он явно до смерти боялся отца, и это признание давалось ему с огромным трудом.

– Пап... – лицо Амира побледнело, буквально стало белым. – Тут такое дело...

Я сложила руки на груди, тихо усмехнувшись. Мне не было стыдно за свое злорадство. А самое главное – мне было его ничуть не жаль. Заслужил.

Марат бросит на меня подозрительный хмурый взгляд, а потом вернул его сыну, став суровым.

– Я весь внимание.

– В общем, – Амир показал на меня рукой, которая тряслась мелким тремором. Он весь дрожал, как заяц. Кролик. Плодовитый кролик. – В общем, у Натальи Леонидовны есть дочь...

Он закусил губу. В точности такую же, как у отца. Меня невольно отбросило в воспоминания о прошлом. Как мне нравилось целовать эти губы, какой он всегда был голодный до ласки, то моих губ...

Так, Наташа, соберись!

– Та-ак... – протянул Марат, склонив голову на бок и, кажется, начиная догадываться к чему ведет сын. На его лице медленно и верно появлялась реакция. Он сложил пазл: мой приход с серьезным разговором, появление сына в офисе в то же время и наш с ним конфликт. – Не-ет... сын, нет!

Он повернулся ко мне, глядя на меня широко раскрытыми, умоляющими глазами. Не верил. Ждал, что я развею его самые страшные предположения.

Я кивнула. И подняла брови, как бы спрашивая: «А ты думал, я пришла, потому что соскучилась?»

– Ну, я типа... с Таей на одном потоке и... на вечеринке мы слегка перебрали...

В одно движение Марат оказался рядом с сыном, а в следующее схватил его за грудки и, приподняв, впечатал в стену с такой силой, что рядом висящие дипломы посыпались на пол.

Все произошло так внезапно и стремительно, что я дернулась от испуга и вскрикнула.

– Пап, пап, ты чего?! – заверещал пацан.

– Ты что, хочешь сказать, что эта девочка теперь бе... беременна?!

Его мощная фигура, напоминающая медведя, нависла над сыном, вызывая страх. Даже мне было не по себе при виде этого.

На шум и крики ворвалась перепуганная помощница-секретарь.

– Марат Ахмедович, все в порядке?

Она оглядела всех нас и в ужасе уставилась на своего начальника, который, в свою очередь, заговорил с ней спокойным, будничным тоном:

– Все нормально, Стеша, у нас тут небольшой... семейный разговор.

– Там... гости, в ресторан, я вызвала машины...

– Предупреди их, что я немного... задержусь, – кивнул Каримов.

– Х-хорошо, Марат Ахмедович...

Стефания попятилась назад из кабинета, не сводя взгляда от сцены, развернувшейся перед ней.

Начальник все еще держал сына высоко, пригвоздив к стене, а его ноги беспомощно болтались, как у марионетки.

– Ты совсем конченный, Амир, я сколько раз тебе говорил, чтобы ты пользовался презервативами? Я тебя ими снабжал! Пачками!

– Пап, да я...

– Что, «да я»?! Резко стал дегенератом?

Амир открыл рот и, не выдавив ни звука, снова закрыл. Как рыба.

Марат отпустил его так же резко, как и напал. Отступил на несколько шагов и зачесав аккуратно ухоженную бороду, посмотрел на меня.

Если б я могла сесть и понаблюдать за этой сценой с чаем и плюшками – я бы с упоением это сделала. Не считаю себя злым человеком, но от вида того, как младшему Каримову стало плохо – я чувствовала удовлетворение и долю отмщения за свою дочь... и, что уж скрывать, за себя в какой-то степени.

По виду Амирчик теперь напоминал не холеного хозяина жизни, а мокрого пса, которого только что выгнали из теплой конуры за съеденный лишний кусок мяса.

Вид у него был такой виновато-жалкий, что, кажется, перед его глазами не просто пролетели, а пронеслись с воем сирены лучшие годы молодости, которые он, болван, сам перечеркнул.

Судя по бледности от страха, которую ему навеял отец, он уже мысленно примерял арестантскую робу и прощался с макаронками по-флотски из родительской кухни.

А Марат... Марат был великолепен.

Не смотря на мои личные обиды и вопросы к этому мужчине, нужно было отдать ему должное. Еще никогда не видела, чтобы сын так боялся и одновременно уважал своего отца.

По лицу Каримова старшего прошла волна – от смертельной бледности до густого бордового румянца.

Он отвернулся от сына, и я увидела, как напряглись его плечи, выпрямилась спина. Он не рвал волосы, нет. Не метался по офису, как лев. Он молниеносно включил голову, как самый топовый кризис-менеджера, который вытаскивал дела из ям куда глубже этой.

Щелкали невидимые шестерёнки: «Что делать? Кому звонить? Как замять? Как наказать? Лишить наследства? Карманных расходов? Отправить на ферму к дяде Рафику?».

Это длилось минуты две, не больше. Дым от перегретых мозгов, кажется, вот-вот повалил бы у него из ушей. И вот он, наконец, повернулся. Сначала к сыну.

Взгляд был не гневный, а тяжёлый:

– Отправляйся домой. Я не хочу с тобой сейчас разговаривать. Боюсь, что скажу, – произнес он с ледяной четкостью.

Амир, не ожидая такой сдержанности, поплелся, чуть не споткнувшись о собственные ноги.

И тогда Марат повернулся ко мне.

– Тебе есть, что еще ему сказать?

Я помотала головой. Уверенная, что не скажу уже лучше и красноречивей, чем это сделал отец.

И как только Амир скрылся за дверью, начался второй этап драмы.

7

Марат

Ох, Наташа, Наташа...

Она стояла посреди офиса, сложив руки на груди.

Я ждал гнева, праведного материнского, яростного за безумство моего сына. Ждал слёз, истерики, даже оскорблений. Но получил вот этот взгляд.

Эта великолепная женщина смотрела на меня. И в её взгляде была гордость: внутренняя, стальная, которая заставляет держать спину прямо, даже когда мир рушится.

И был укор. Глухой, многослойный, как геологические пласты. Первый слой, самый верхний, – за сына. Это я читал легко.

Но под укором бушевало пламя. То самое, которое, как я ошибочно думал, погасло много лет назад.

Я считал, что время остудило ее боль, затянуло старые раны рубцом. Нет. Я ошибался катастрофически. Она не остыла. Она не пережила. Она помнила.

Это пламя было обо мне. О моём предательстве.

Да, она никогда не видела всего – не заставляла с другой женщиной с поличным, только догадывалась. Я сделал для этого все – чтобы она думала, будто я в самом деле мог пустить в свою постель другую...

Я поступил еще хуже, чем если бы предал физически. Я предал морально, предал душу.

Не стал бороться. Вот в чём была суть. Я опустил руки. Услышал ее родителей и поддался их убеждениям.

Я предал веру любимой женщины в нас. И она, с её чуткостью, с её женской, почти мистической проницаемостью, это знала. Все эти годы знала.

И теперь, глядя на меня, она показывала мне это. Показывала, что помнит малодушие, помнит отступление. Её взгляд говорил: «Вот он, твой плод. Ты не боролся тогда за нас».

В её уколе была страшная справедливость. Наши дети лишь ошиблись, натворили глупостей, за которые теперь будем отвечать все вместе.

А моя вина была старше, фундаментальнее. Это была вина за капитуляцию. И от этого огня в её глазах мне не было спасения. Никакие оправдания, никакие «я хотел как лучше для тебя» не работали. Она видела насквозь.

– Прости.

Сказал тихо, имея в виду и косяк сына, и свой собственный, старый, двадцатилетней давности. И знал, что одного «прости» будет мало. Его хватит разве что на то, чтобы стереть пыль с этой тягостной паузы, что повисла между нами.

Ее силуэт на фоне города был все тем же – стройным и недостижимым. Двадцать лет ничего не изменили. Ни во мне, ни в этом чувстве, что впилося в ребра. Все так же больно. Оттого что не вместе. Оттого, что не моя.

Глянул на часы.

– Поехали со мной на ужин. Китайцы ждут, – голос прозвучал хрипло, я прочистил горло.

– А после поговорим. Мне так много нужно тебе сказать.

Она тихо усмехнулась. В ее глазах – усталость, тревога и та самая стена, которую я когда-то возвел сам.

– О чем нам говорить, Марат? – ее голос был тихим, но каждое слово било точно в цель.

– Я... я разберусь с сыном. Обещаю. Он не уйдет от ответственности. Я это гарантирую.

Подождал ближе, но не настолько, чтобы вторгнуться в ее пространство. Это было ее священное право – держать дистанцию.

– Но давай сначала вместе решим, что делать. Прямо сейчас. Как поступить, чтобы все было правильно, а не просто больно. Я один не справлюсь. Как всегда.

Последние слова сорвались сами, обнажив ту самую старую, незаживающую рану.

Надавил последними словами:

– Это ради детей.

Она кивнула, взяла сумочку и прошла к двери. Я последовал за ней, стараясь не нарушать эту хрупкую дистанцию, которую она выстроила.

Мимо помощницы проходили молча. Она сразу же набрала водителю, чтобы он подъехал к главному входу.

Мы ехали в лифте молча. Я не стал нарушать тишину. Просто смотрел на нее украдкой, пытаюсь запомнить. Дать глазам возможность насладиться ее чертами, которые время отточило, но не сломало.

Стало больше твердости в уголках рта, больше мудрости в легких морщинках у глаз. Но взгляд – все тот же. Прямой, ясный, видящий насквозь. Сила духа, облеченная в элегантное платье и спокойную позу.

Эта сильная женщина с хрупкими плечами, которые, я знал, вынесли столько, сколько мне и не снилось.

Хотелось ее уберечь от всего. От этого безалаберного поворота в истории наших детей, от холодного ветра за стеклами лифта, от моей собственной неуклюжей, запоздалой боли.

Но прежде всего – дать понять. Не словами, они тут были бессильны, а всем своим существом. Дать понять, что я ей не враг. И не нужно от меня укрываться за этой броней деловитости и равнодушия.

Лифт плавно опускался, и в зеркальной стене я поймал наш общий портрет. Двое взрослых, успешных людей.

И бездонная пропасть между нами.

Она смотрела на индикатор этажей, я – на ее отражение.

– Машина уже ждет, – сказал я, когда двери разъехались.

Она кивнула, я пропустил ее вперед в просторный, выстланный мрамором вестибюль.

Наташа шла быстрым, уверенным шагом, ее каблук отстукивали четкий, уходящий ритм. Я едва поспевал, не физически, а внутренне – пытаюсь собрать в кучу все, что хотел сказать. А хотел сказать многое.

Холодный воздух ударил в лицо, когда я распахнул тяжелую дверь. Черный автомобиль действительно уже стоял у подъезда. Водитель, увидев нас, вышел, чтобы открыть дверь.

– Спасибо, Игорь, – сказал я. – Едем в «Ла Пьяццу».

Наташа села первой, отодвинувшись к дальнему окну. Я обошел машину и сел рядом, оставив между нами почти целое сиденье.

Машина тронулась. Город проплывал за окном, мелькали огни, тени прохожих. Она смотрела в свое окно, я – в свое. Тишина снова сгустилась, но теперь она была не такой тягостной. В ней было ожидание.

– Я не знаю, что делать, – тихо сказал я, не поворачивая головы. Голос прозвучал глухо, будто в маленькой, закрытой комнате. – С Амиром. Наказывать – да. Заставить отвечать – обязательно. Но сломать... Я и так уже упустил слишком много, чтобы теперь... у нас не самые лучшие отношения. Мы далеко не образцовые отец с сыном.

Я не закончил. Не мог. Сжал кулаки, чувствуя, как подступает знакомая, горькая волна беспомощности. Я мог вести многомиллионные сделки, управлять коллективом в сотни человек, но найти путь к собственному сыну – было непосильной задачей.

Она не ответила сразу. Продолжала смотреть на город. Потом медленно повернула ко мне лицо.

– Он боится тебя, – произнесла она так же тихо. – Уважает. И боится. Ты для него – авторитет. Не только источник денег и периодических взрывов гнева, – она сделала паузу, подбирая слова, – это видно даже мне. Думаю, как ты скажешь – так он и поступит.

Каждое ее слово отзывалось в груди. В ней было столько мудрости, столько внутренней силы. Но я не заслуживал этих слов.

– Спасибо, – выдохнул я. – Я сказал это не для оправданий. Они никому не нужны. Я здесь, чтобы... чтобы попробовать наладить разговор.

Она снова замолчала, оценивая. Ее взгляд скользнул по моему лицу, будто ища следы фальши, старой легкомысленности. Искал того самого Марата, которому она когда-то верила.

– У нас нет другого выбора, – наконец сказала она. – И да, я тебя понимаю по части «не самых образцовых родителей». Моя дочь тоже в этом участвовала. И если мы имеем... то, что имеем, значит и я со своей стороны тоже чего-то не дала...

– Ты все такая же мудрая и прекрасная женщина, что и раньше, – я смотрел на нее, не скрывая восхищения во взгляде. – И я уверен, что ты прекрасная мать.

– Твои бы слова, да ей в уши, – горько усмехнулась она, зарываясь носом в пушистую опушку своего пальто.

– Верить или нет, но... пусть обстоятельства не самые тривиальные, но я очень рад нашей встрече!

Она еще глубже зарылась в мягкий мех, пытаясь скрыть от меня зарождающуюся улыбку.

Я тоже улыбнулся. Хорошее начало.

Только бы дальше ничего не испортить.

8

Мы вошли в «Ла Пьяцца», и меня на секунду охватил привычный ужас: огромный зал, гул голосов, и ресторан, в статус которого я не вписывалась.

– Ого, никогда здесь не была! – честно призналась, позволяя Марату снять с себя пальто.
– Тут так... пафосно.

Честно говоря, мой Коля в последние годы не обременял себя обязанностью водить меня куда-то.

Все мои светские мероприятия ограничивались встречами с подругами. Я часто старалась сводить Таю в театр или на балет, надеясь приобщить её к искусству и культуре. Проще воду в решете удержать, чем увлечь ее чем-то подобным.

– Спасибо, что согласилась поехать со мной. Для меня это много значит, – сказал Каримов, поворачиваясь ко мне и глядя на меня глазами того человека из прошлого с легкой поволокой грусти и опыта. – И ты прекрасно выглядишь, даже не думай в этом сомневаться.

Я одарила его слабой, благодарной улыбкой. Все равно не веря ему. За двадцать лет брака я разучилась чувствовать себя красивой. Спасибо «стараниям» моего мужа, который вечно видел во мне одни недостатки.

Я последовала за Каримовым, стараясь не споткнуться, к огромному залу для VIP-персон. За длинным овальным столом расположилась вся китайская делегация. Вокруг суетились официанты и хостес, пытаюсь предугадать каждое желание гостей.

«Что я делаю в этом месте? У меня дочь готовится стать матерью, а я пришла в ресторан!»
– пронеслось у меня в голове, когда я снова окинула взглядом помещение.

Есть мне совсем не хотелось, я не могла проглотить ни кусочка. Особенно в присутствии этого мужчины, который вернулся в мою жизнь всего несколько часов назад, но уже успел произвести тотальную отключку мозга.

Марат, невозмутимый, как скала, окинул пространство быстрым, сканирующим взглядом охотника. Я видела в нем этот взгляд раньше. Только раньше этот охотничий взгляд был неопытен и голоден. А теперь он стал пресыщенным, сытым, холеным. Охотник, который теперь охотится только ради забавы и поддержания формы.

Каримов что-то произнес на китайском и я невольно поморщилась. Звучало это, честно говоря, примерно как «ни-хао» с сильным привкусом нашего родного района и тремя дополнительными слогами, взятыми, видимо, из космоса.

Он сказал это громко, с деловой улыбкой, но в уголках его глаз я прочитала легкую панику. Огляделась и поняла, что его переводчика нет в зале.

И тут во мне что-то щелкнуло. Не героическое, скорее, автоматическое.

Мой внутренний вечный синдром отличницы, оттачивавший навык выходить сухой из воды (на детских утренниках, школьных собраниях и родительских советах), включился на полную.

Я сделала шаг вперед, поймала взгляд ближайшего господина в безупречном костюме и выдала на чистейшем китайском.

Приветствия, представления, извинения за небольшое опоздание – поток звуков, которым я доверяла, как ничему другому в себе, потому и произносила с обаятельной уверенностью.

Я переводила меню, улыбалась официантам, шутила про пельмени и вонтоны, находя какие-то невероятные параллели.

Руки сами жестикулировали, голос звучал тепло и непринужденно. И в какой-то момент, передавая комментарий Марата я поймала его взгляд.

Он смотрел на меня не с изумлением, не с благодарностью. Нет. Он смотрел так, будто всегда это знал. Он всегда видел во мне самую умную девочку с самого начала, и сейчас лишь получил очередное, вполне ожидаемое подтверждение.

В его взгляде была спокойная гордость, и в нем не было ни капли удивления. Это, черт возьми, было даже лучше, чем если бы он ахнул!

Ужин проходил своим чередом, общение не прекращалось. Я помогала переводить, где нужно и наблюдала за Маратом со стороны.

Он был в своей стихии: слушал внимательно, кивал, задавал точные вопросы через мой перевод.

Я видела, как его уважают эти серьезные люди с другой стороны планеты. Видела, как ловит на лету суть, даже не зная языка. И меня накрывала волна странного восторга.

«Смотри, – восторгалась я себе, – смотри, кем стал этот парень с обшарпанного двора, который когда-то менял у тебя колесо на «солярисе» под дождем».

Он построил это. Не просто бизнес – целую империю. Он сидел, откинувшись на спинку стула, уверенный и спокойный, и в его жесте, в том, как он поправлял манжет, читалась та самая мощь, которую не купишь ни за какие деньги. Она вырастает изнутри, годами.

Только я верила в него, в то, что он таким вырастет, а он – нет.

Я наблюдала за Маратом, за его спокойной силой, с которой он вел этот ужин, и вдруг с болезненной ясностью поставила себя на место своих родителей.

Точнее, на место своей матери, которая смотрела на нас тогда, молодых и безумных, с немим ужасом и отчаянием.

Ведь я вложила всю себя в Таю. Каждую клеточку, каждую мысль, каждый рубль, отложенный порой от последнего.

Частные школы с их бесконечными инновациями и индивидуальным подходом, курсы языков, поездки по обмену – это была настоящая авантюра.

Отправить девятнадцатилетнюю дочь в Лондон в семью незнакомых людей? Рискованно до мурашек. Но она так хотела, ее глаза горели таким огнем познания мира, что я не смогла отказать.

А теперь, едва вернувшись, она стала мечтать о Китае. Говорила о Шанхае или Пекине с тем же священным трепетом, с каким когда-то – о Биг-Бене.

На ее стене висела карта с отметками. Я уже присматривала чемоданы и тайно изучала отзывы о принимающих семьях.

Ее мечтам, таким ярким и осязаемым, уже не сбыться. Все оборвалось в один миг.

Она допустила ошибку.

Ошибку в потертых джинсах и огромной толстовке и со смеющимися глазами, которую зовут Амир. Милый, беспечный папенькин сынок. Еще один Каримов.

Теперь у моей малышки вместо билета в Шанхай и занятий с носителями языка у нее на руках – положительный тест. Вместо будущего лета, полного открытий, – бессонные ночи, подгузники и тихая, всепоглощающая ответственность, которая обрубает крылья на взлете.

И глядя сейчас на Марата, я с ужасом подумала: а ведь мои родители, наверное, видели того самого Амира. Только у него еще не было ни копейки за душой.

Они смотрели на Марата – дерзкого, бедного, с гитарой за спиной и с не самой безупречной репутацией. Дважды он участвовал в скандальных драках, о которых знал весь город. Но мои родители не хотели даже слышать, что эти драки были из-за того, что Марат защищал меня.

Никто, кроме меня не видел в нем никаких перспектив. Для них он был тем, кто обрубит мне крылья. Кто затащит в трясины быта, лишит блестящего будущего, на которое они, как и я для Таи, работали не покладая рук. Они видели лишь риск, опасность, шаг в пропасть.

А я видела только его, и веру в него, которую я чувствовала кожей. Его ум, прятанный за бравадой. Силу, которая мне казалась незыблемой. Я боролась с ними, с их аргументами, которые сейчас, в отношении Амира, звучат в моей собственной голове.

Я кричала, что они ничего не понимают, что любовь и вера важнее любых дипломов.

И вот он сидит здесь, хозяин положения. А я ловлю себя на едкой мысли: что бы они сказали сейчас, узнав, что я оказалась права?

Теперь я – на их месте. Я – та, кто видит обрыв, а не дорогу. И мое сердце разрывается между пониманием своей тогдашней правоты и ледящим страхом за дочь.

Страхом, что этот Амир так и останется просто Каримовым. А китайские иероглифы моей малышки медленно превратятся в расписания кормлений и списки покупок.

Я отдала ей все, чтобы дать крылья. А она, кажется, добровольно сложила их у чьих-то ног. И самое горькое – я понимаю каждое ее чувство.

Когда ужин подошел к концу и последние представители делегации с вежливыми улыбками удалились, в опустевшем зале наконец воцарилась тишина.

Мы с Маратом остались одни за большим столом, уставшим от обилия блюд и бесед.

Он откинулся на спинку стула, медленно протер переносицу. Потом поднял на меня взгляд.

Это был особый взгляд – усталый после долгого и сложного дня, который, я знала, имел для него огромное значение. Но в глубине, за этой усталостью, вспыхивала знакомая, теплая искорка. Искорка облегчения и той простой радости, что теперь, наконец, можно перевести дух, отбросить деловые маски и просто поговорить.

Мой собственный ум был переполнен, и слова, которые я долго держала в себе, вырвались наружу почти без паузы.

Я высказала то, что крутилось в моей голове весь вечер, пока я наблюдала за ним и ловила себя на параллелях с прошлым.

– Знаешь, – начала я, вертя в пальцах ножку бокала. – Сегодня я много думала. О нас. О детях. О будущем. Я думала о том, что мы, как родители, должны дать себе одно важное обещание.

Он молча смотрел на меня, внимательно, позволяя говорить.

– Мы не будем давить на наших детей. Не будем. Какими бы ни был их выбор. Мы не станем вмешиваться в их решения с криками о том, что мы «лучше знаем». Мы примем то, что они скажут. Постараемся понять. Даже если нам будет страшно. Даже если это будет больно. Мы не должны повторять ошибку, которую когда-то совершили мои родители.

Марат несколько секунд молчал, его взгляд стал глубоким, задумчивым. Он отпил немного воды, поставил стакан на скатерть, оставив влажное кольцо. Потом медленно кивнул.

Это был не быстрый, поверхностный кивок согласия. Это был весомый, обдуманный жест человека, который полностью осознает значение этих слов.

– Да, – сказал он тихо, но твердо. – Ты права, Наташ. Мы не будем давить. Мы не имеем права. Даже из самых лучших побуждений и большой любви может вырасти тюрьма.

Кажется, мы оба это знали. Пережили на себе.

9

Он помолчал, его глаза блуждали по просторному, пустому залу, как будто он искал в его полумраке подтверждение своим мыслям.

– Мы видели, к чему это приводит. Не знаю, как ты, надеюсь, что твоя жизнь сложилась иначе, но... – он сделал паузу, и его взгляд вернулся ко мне, – Моя была похожа на тюрьму.

Он сказал это просто, без пафоса, почти буднично. Но за этими словами открылась бездна.

Я не знала, что сказать. Всё, что я копила годами – обиды, вопросы, невысказанные претензии – вдруг стало чем-то мелким и несущественным.

С ним можно было что угодно сделать. Простить. Или не простить. Держать в себе как шип. Или выбросить на свалку прошлого. Это была моя территория, и я на ней была полновластной хозяйкой. Я могла решать, что с этим делать.

Но его территория была иной. Это был внутренний трибунал, заседания которого не прекращались ни на день.

Я смотрела на него и вдруг с ужасающей ясностью поняла: нет ничего хуже, когда ты сам себе и судья, и палач. Когда ты приговариваешь себя к пожизненному сроку и сам же несешь это бремя каждый день.

Нельзя убежать от себя. Нельзя обжаловать приговор, потому что ты и есть весь суд. Можно только тащить эту ношу, год за годом, чувствуя, как ее груз лишь тяжелеет.

За двадцать лет Каримов пронес свою вину через всю свою жизнь. Он не отмахивался от нее. Не прятал за работой, деньгами или новыми отношениями. Он нес ее в себе, как несущую колонну, вокруг которой выстроилось все остальное.

И я теперь была уверена: мое появление, этот разговор, всё это лишь усилило груз.

Он видел во мне живое напоминание о той ошибке, о том выборе, который сломал не одну жизнь.

Я не могла его простить вот так, в одночасье. Сердце – не механизм, где можно нажать кнопку и сменить режим. Оно, двадцать лет носившее эту боль, не могло просто взять и приказывать себе: «Забудь. Отпусти».

Рана, даже зарубцевавшаяся, все равно остается шрамом, который ноет к непогоде. Прощение – это не мгновенный акт. Это долгая дорога, на которую нужно решиться ступить.

Но я могла сделать первый шаг. Я могла хотя бы позволить себе открыться. Перестать выставлять вперед стену из своих собственных обид, как щит.

Увидеть не просто того, кто когда-то причинил боль, а человека. Уставшего, изможденного собственной внутренней тюрьмой.

Молчание между нами затягивалось. Но теперь оно было иным. Оно не было пустым или враждебным.

Я все еще не знала, что сказать. Не находила нужных, окончательных слов. Но я перестала отворачиваться.

Просто позволила себе смотреть на него. Видеть морщины у глаз, глубже, чем должны были быть. Видеть ту тихую, не уходящую печаль в глубине взгляда, которую не скрыть ни уверенными жестами, ни спокойным голосом.

Марат сделал первый шаг, потянулся ко мне и положил руку поверх моей. Его ладонь была тяжелой, знакомой и чужой одновременно.

Он спросил тихо, почти по-домашнему:

– Как у тебя дела в общем, Наташ? Расскажи, чем ты занимаешься.

Я не знала, с чего начать. Как пересказать двадцать лет? Как уместить в несколько фраз целую жизнь, которая выросла из той точки, где мы когда-то остановились?

Начала с самого простого, с того, что лежало на поверхности. С профессии.

– У меня несколько школ иностранного языка в городе.

– Правда? – его брови чуть приподнялись. Он был приятно удивлен. Кивнул, улыбнулся с той самой теплотой, которая заставила что-то внутри дрогнуть. – Как называется?

– «Лингва Стар», – я произнесла название с теплотой в голосе. – Английский в основном. Но сейчас вырос бешеный запрос на китайский и корейский. Приходится расширять программы, искать носителей. Сложно, но интересно.

Он слушал, не перебивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.